

— А-а-а-а!

— Ци! Суй! И!

— Ты что творишь?!

Вопль Чи Цзиньсяня, исполненный отчаяния и ярости, разорвал застывшую в комнате неловкую тишину.

Свалившись с кровати на пол, он босиком, не разбирая дороги, ринулся отбирать любовное послание. Лицо его пылало кумачом.

— Прочитал и прочитал! Я же тебе не запрещал! Но на кой чёрт вслух-то зачитывать?! — тяжело дыша, Цзиньсянь со всей дури отвесил ему пинка.

Опасаясь второго удара, Ци Суйи с крайне озадаченным видом отскочил в сторону и вскинул руки, готовясь защищаться.

В следующее мгновение его взгляд зацепился за вспыхнувший на запястье парня красный огонёк. Алая точка зажглась в глубине его зрачков, словно кто-то щёлкнул выключателем.

— Интеллектуальный браслет загорелся!

— А? — Цзиньсянь опустил глаза на серебряный интеллектуальный браслет на левом запястье. В самом центре кольца пульсировала крошечная точка, но алое свечение быстро угасло.

— Фыр... — Парень опустил ноги, напоследок метнув в обидчика ледяной взгляд, после чего с неохотой аккуратно сложил письмо и спрятал его в конверт, украшенный сухими розовыми лепестками.

— Тебе уже семнадцать. Когда ты наконец снимешь этот интеллектуальный браслет? Неужели правда будешь ждать восемнадцатилетия? — Ци Суйи осторожно потянулся за бутылкой молока, стоявшей на краю стола. Однако не успел он порадоваться добыче, как Цзиньсянь выхватил её и прижал к груди, будто величайшую ценность.

— Не видишь, что ли? У меня в комнате она всего одна! Это на завтра, кое-кому отдам. Хочешь пить — дуй на первый этаж и бери сам.

Ци Суйи аж лишился дара речи от такой наглости.

— Я младше тебя на полгода! Мог бы и уступить! — вспыхнул он. — Да Лу Чжи твоё молоко всё

равно не пьёт!

— Ты мой младший дядя, — отчеканил Цзиньсянь. — Старшие должны проявлять заботу о младших.

Ци Суйи вновь только ртом воздуха заглотил.

— Да и не обязательно ждать ровно восемнадцати, — продолжал Цзиньсянь, убирая письмо и бутылку в рюкзак, чтобы не забыть утром. — Врач сказал, что после совершеннолетия функции организма стабилизируются. Если в детстве никаких отклонений не проявилось, то и потом они вряд ли вылезут. — Подумав, что звучит слишком категорично, он небрежно добавил: — С высокой долей вероятности.

В детстве Чи Цзиньсянь тяжело болел. Вникать в сложные медицинские термины он не стал, запомнив лишь главное: болезнь могла повлиять на его вторичную дифференциацию. На всё остальное, судя по всему, она воздействия не оказывала.

При рождении каждый человек получает первичный пол — Альфа, Бета или Омега, а к четырнадцати-пятнадцати годам проходит вторичную дифференциацию. То есть половая принадлежность младенца вовсе не гарантирует, кем он останется в будущем, хоть в большинстве случаев совпадения и случаются. Но если говорить строго, именно второе разделение определяет всё окончательно.

Цзиньсянь родился Бэтой. В свои семнадцать он всё ещё оставался Бэтой, с той лишь разницей... что вторичную дифференциацию он так и не прошёл.

И поскольку детская болезнь затрагивала именно этот процесс, интеллектуальный браслет прикрепили к его руке с самого детства — чтобы вовремя засечь скрытые симптомы.

— Помимо контроля второго пола, у этой штуки куча других функций. Он отслеживает мои жизненные показатели и будит по утрам, — Цзиньсянь поднял руку и покрутил запястьем перед носом Ци Суйи. — К тому же выглядит стильно. Даже когда вырасту, снимать не стану — буду носить вместо украшения.

Серебряный интеллектуальный браслет шириной всего в три миллиметра плотно облегал запястье, располагаясь аккуратно за косточкой и выгодно подчёркивая точёную кисть. По мере того как Цзиньсянь рос, браслет автоматически подстраивался под размер кости, благодаря чему за долгие годы нисколько не утратил удобства.

Ци Суйи не стал спорить, но взгляд его сделался серьёзнее:

— Это ведь уже третий раз, да?

За все годы интеллектуальный браслет подавал сигнал лишь трижды.

Впервые это случилось, когда Цзиньсяню исполнилось шестнадцать. Юань Сыбай тогда решил, что начинается вторичная дифференциация, и в панике помчал его в больницу. Обследование показало: показатели в норме, дифференциации нет.

Второй раз произошёл три месяца назад. Чи Суй немедленно вызвал семейного врача, но вердикт остался прежним: показатели в норме, изменений нет.

И вот сегодня — третий раз.

— Завтра поедem в больницу? — спросил Ци Суйи.

— После уроков съезжу, — Цзиньсянь почувствовал, как зазябли пальцы ног, и опустил взгляд. Оказалось, он так и стоит босиком. Образы зачитанного вслух письма мгновенно вспыхнули в памяти, разжигая прежнюю обиду. Он смерил Ци Суйи сердитым взглядом, уплыл за тапками и буркнул: — После двух историй про мальчишку и волков я уверен, что это снова пустяк. Я ведь чувствую себя отлично.

Ци Суйи, подумав, согласился с ним.

Мягкий свет ночника смягчал обстановку в комнате, рождая в памяти строчки из прочитанного послания. Бумага и конверт буквально дышали откровенным флиртом, но в голове Ци Суйи всё ещё звучали те дерзкие и неприкрытые слова из самого начала!

А уж когда Цзиньсянь снова смерил его взглядом, потрясение Ци Суйи окончательно сменилось досадой.

— Чи Цзиньсянь, ты только глянь на себя! Разве так пишут любовные письма?! Это же полный перебор! Не говори мне, что и в прошлые два года ты отправлял нечто подобное?

— С какой стати! — У Цзиньсяня снова вспыхнули уши, а лицо налилось краской. Сегодняшнее откровение действительно было для него первым опытом, и то, что кто-то узнал его тайну, смущало до колик. — Я, по-твоему, совсем стыд потерял?

Вся школа знала, что Чи Цзиньсянь шлёт любовные письма уже два года подряд, и сейчас пошёл третий. Однако никто и понятия не имел, что по-настоящему разных писем было всего три.

Первое он отправлял весь первый год: «Брат Лу, полюби меня, а? Я ведь ужасно милый».

Второе шло весь второй год: «Брат Лу, не хочешь любить — не надо, дай хотя бы поцелую».

И вот вчера начался третий год с новой запиской: «Брат Лу, после окончания школы я хочу с тобой...»

Если ничего не изменится, это послание тоже затянется на целый год.

— И ты ещё споришь! — Ци Суйи смерил его строгим взглядом. — Пойду скажу третьему брату и снохе, что ты совсем с катушек слетел.

— Да иди! — Цзиньсянь гордо вскинул подбородок. — Я же говорил, папа и младший папа знают, что я добиваюсь человека.

Ци Суйи прекрасно это знал! И именно поэтому недоумевал ещё сильнее:

— Да почему они тебя вообще не останавливают?!

— Учусь я отлично, с одноклассниками лажу, учителя во мне души не чают, друзья любят. Ну ухаживаю я за парнем, и что? Я же не переступаю черту и уважения к себе не теряю!

Ци Суйи застыл, не найдя, что возразить.

— В конце концов, у каждого есть право на любовь и свободный поиск счастья! — поставил победную точку Цзиньсянь.

Ци Суйи лишь вздохнул.

— Мой папа точно так же завоевал младшего папу! Это доказанный метод! — Чи Цзиньсянь буквально сиял от сознания собственной правоты, готовый и дальше рваться в бой.

Ци Суйи схватился за голову, пытаясь вернуть его в реальность:

— Третий брат и сноха изначально были влюблены друг в друга! Когда брат дарил подарки, сноха их принимала, они на свидания ходили! А ты? Ты хоть одну вещь ему вручить сумел? А что этот пёс Лу Чжи? Ни разу ничего не взял! У тебя даже банальной взаимности нет!

Цзиньсянь осёкся.

Они замерли друг напротив друга, смеривая соперника недобрыми взглядами. Ци Суйи, решив выдержать паузу, вытаращил глаза и принялся упрямо глазеть в ответ — за что мгновенно удостоился персональной услуги: выдворения за дверь пинком под зад.

— Выходи, выходи, выходи! — раздражённо вытолкнул его Цзиньсянь. — Надоел!

Дверь с грохотом захлопнулась.

Прижавшись спиной к косяку, Цзиньсянь несколько не смутился слов дяди. Он тихо, себе под нос, пробормотал:

— Вовсе я и не как все. Я с ним вообще-то два года вместе обедаю. И подарки мои он забрал.

Пусть даже все они были подброшены тайком, пока тот не видел.

Вот только...

Завтра с совместными обедами, похоже, придётся попрощаться. Эх.

При этой мысли спесь с него мгновенно слетела. Цзиньсянь понурился, точно побитый морозом цветок, поплёлся к кровати и ничком упал на матрас.

На душе было тоскливо, и он решил поплакаться лучшему другу.

Кэш-Пул: «Сяо Лу, Сяо Лу~ Сяо Лу-у-у~ Спаси-помоги! [Плачущий смайлик]»

Телефон тут же завибрировал откликом.

Приближение: «Тут я, тут. Что стряслось, Сяо Чи?»

Чи Цзиньсянь познакомился с этим Сяо Лу ещё в начале первого года старшей школы. Они учились в одной школе, были одноклассниками, хотя кто кого добавил и через какую группу — за давностью дней уже никто и не помнил.

Слово за слово, они превратились в лучших друзей в сети. Именно в сети, потому что вживую им так и не довелось встретиться.

Их интересы и увлечения поразительным образом совпадали. Каждый день находилась тема для разговора, и за два года общение не прерывалось ни на день.

Конечно, раз они учились в одной школе, Цзиньсянь предлагал встретиться. Но Сяо Лу тогда внезапно заболел и перевёлся в другой город.

Из-за этого он даже не назвал своего настоящего имени — боялся, что если однажды его не станет, друг будет тосковать и хранить память, лишне обременяя себя.

Он лишь признался, что очень любит оленей, поэтому попросил звать его Сяо Лу.

Расстояние и несогласие самого Сяо Лу раз за разом откладывали личную встречу.

За исключением семейных тайн, Сяо Лу знал о Цзиньсяне абсолютно всё — в том числе и про его безответную любовь к Лу Чжи.

В своё время большинство идей по завоеванию холодного красавца предложил именно Сяо Лу, хотя даже он не ожидал от Цзиньсяня такой феноменальной упорности.

А из-за того, что парень ежедневно носил Лу Чжи розы, Сяо Лу шутливо прозвал его Маленькой Розой.

Приближение: «Маленькая Роза?»

Приближение: «Ты где там потерялся?»

Кэш-Пул: «Я не потерялся...»

Кэш-Пул: «... Я разозлил человека [Шёпотом]»

Приближение: «Лу Чжи, что ли?»

Кэш-Пул: «Угу-у... [Тихий всхлип]»

Кэш-Пул: «Что теперь делать-то?»

Приближение: «Тю, да проще простого!»

На следующее утро Чи Цзиньсянь пришёл в класс раньше обычного. Учеников почти не было, но Лу Чжи уже сидел на своём месте.

Он погрузился в чтение книги, вставив в уши наушники.

— Брат Лу!

Цзиньсянь радостно подбежал к столу, достал из рюкзака бутылочку молока и пододвинул её к

парню.

Лу Чжи на секунду задержал взгляд на бутылке, но тут же отвёл глаза, не тронув угощение.

Сяо Лу ведь сказал: «Храбрая роза шипаста и не боится трудностей!»

Раньше Лу Чжи тоже никогда не принимал подарки, так что его поведение ничуть не изменилось — а это уже хорошая новость! Цзиньсянь тихонько хихикнул, продвинул бутылку ещё на пару сантиметров ближе и уселся за свою парту, готовый учиться.

А перед учёбой можно и в телефоне посидеть.

Постепенно класс заполнился народом, поднялся лёгкий шум, но это несколько не портило отличного настроения Цзиньсяня.

Кэш-Пул: «Сяо Лу, а Брат Лу меня не прогнал!»

Спустя всего пять секунд пришёл ответ:

Приближение: «Вот видишь, я же говорил! Настроение у него не менялось, так что плевать, злитесь вы или нет — просто держись рядом».

Кэш-Пул: «Понял!»

Кэш-Пул: «Чмок!»

Цзиньсянь с довольным видом убрал телефон и решил ещё разок взглянуть на Лу Чжи. Повернув голову, он заметил, что тот тоже держит в руках смартфон.

Словно почувствовав на себе чужой взгляд, Лу Чжи вскинул длинные ресницы. Их взоры встретились. Но не успело это молчаливое столкновение затянуться хотя бы на миг, как Лу Чжи отвёл глаза.

Точно так же, как и сотни раз до этого, когда ему не хотелось смотреть на Цзиньсяня.

Лицо Лу Чжи оставалось непроницаемым. Он с абсолютным спокойствием выключил экран и положил телефон дисплеем вниз, будто вовсе к нему не прикасался.